

Ю Р И Й Г Е Р М А Н

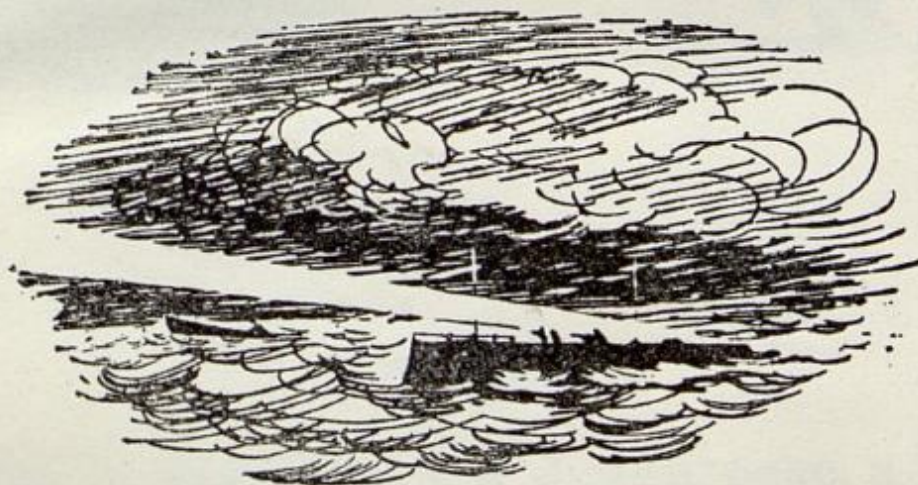
Ч А С О В Ы Е

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

42 43 (39)

ЮРИЙ ГЕРМАН

ЧАСОВЫЕ

РИСУНКИ И ПЕРЕПЛЕТ
ПОСНФАЕЦ

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1938 — Ленинград

59

Г — 38

ЮРИДИЧЕСКАЯ

СОВЕТ

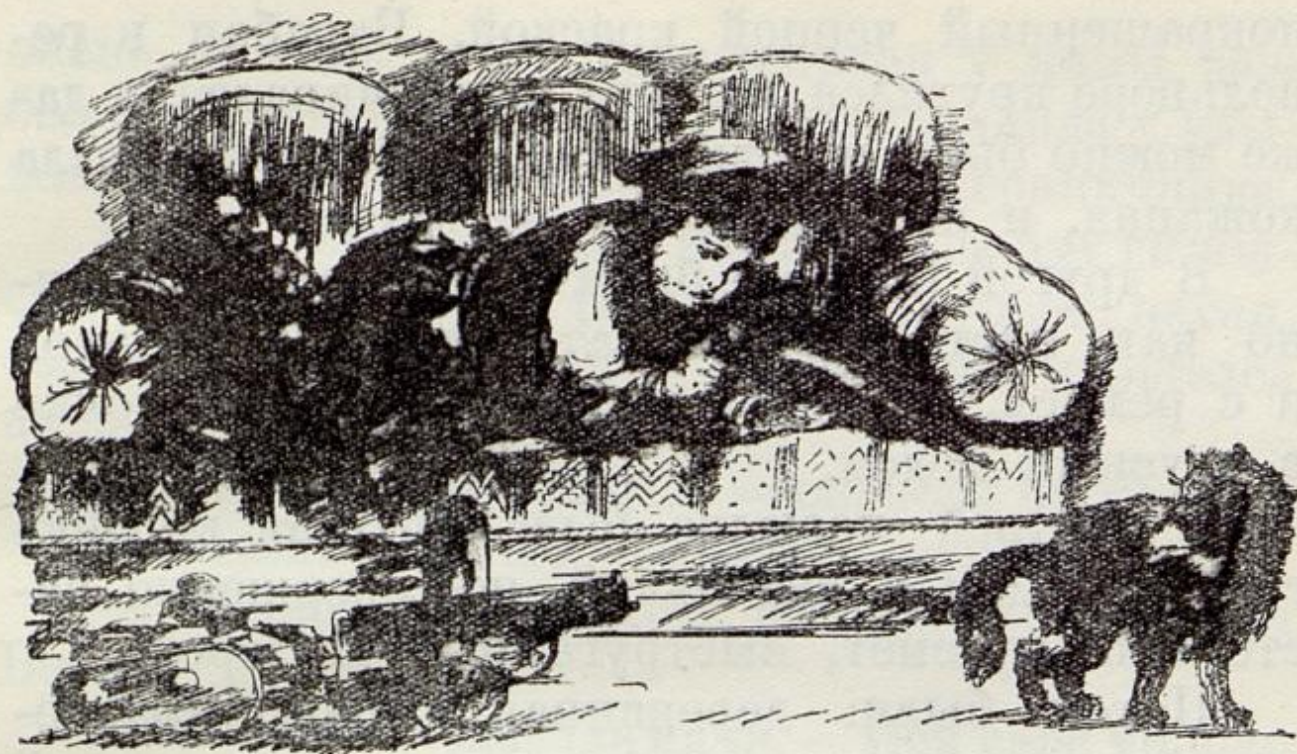

408319-2 кх ред

Российская государственная
детская библиотека

~~ИЗДАТЕЛЬСТВО
"Детская литература"
БИБЛИОТЕКА~~

44

ПОСЫЛКИ

Бобка с мамой жил в Ленинграде, а Бобкин папа, старший лейтенант Иванов, был начальником пограничной заставы и жил на Дальнем Востоке.

В письмах лейтенант Иванов приглашал Бобку приехать на пограничную заставу в гости, а в посылках присылал разные интересные вещи.

Например, в одной посылке был замечательный револьвер «наган», сделанный из дерева и

покрашенный черной краской. Барабан в револьвере крутился, шомпол вывинчивался, и даже можно было взводить курок. И кобура была кожаная, и патроны были из жести.

В другой посылке была винтовка, совершенно как настоящая, с затвором и с мушкой и с ремнем. И, кроме винтовки, была баночка с вкусным медом.

В третьей посылке была круглая коробка с мармеладом и маленький, но совершенно настоящий пулемет, выструганный из дерева.

Потом были: деревянная сабля, красноармейский котелок, ремень и портупея, детский противогаз и, наконец, настоящая пограничная зеленая фуражка с красной звездой.

А в письме старший лейтенант Иванов писал Надежде Михайловне, Бобкиной маме:

«... пожалуйста, возьми мою старую гимнастерку и перешей Бобке. Пусть уж он будет совсем пограничником...»

Целый вечер мама перекраивала и перешивала Бобке гимнастерку, а Бобка, надвинув на самые брови зеленую фуражку, играл в пограничников. Кот Васька — толстый и сонный — был врагом, и Бобка обстреливал его из нагана, из винтовки и из пулемета. Во время боя Бобка

очень кричал, и от этих криков у мамы разболелась голова, но она терпеливо шила и улыбалась, глядя на своего сына-пограничника.

Гимнастерка удалась на славу. Сверху гимнастерки Бобка надел ремень с портупеей, наган, саблю и противогаз и в таком виде прошелся по комнате.

— Ничего получилось? — спросил он у мамы.

— Очень хорошо, — сказала мама.

— Теперь-то я похож на папу? — спросил Бобка.

— Похож, — сказала мама. — Пей свое молоко и ложись спать, уже поздно.

Когда, поужинав, Бобка лег спать и мама наклонилась над ним, он вдруг сказал:

— Я хочу поехать к папе. Ты говоришь все завтра, завтра, а я все не еду и не еду. Отпусти меня к папе, слышишь, мам.

Надежда Михайловна села рядом с Бобкой и стала объяснять, что Бобке не с кем ехать.

— Я ведь не могу, — говорила она, — я учусь, а одного тебя нельзя отпустить. Дорога какая дальняя, ты только подумай...

— Ну и что, — сказал Бобка, — ну и что, что дальняя... Папа меня приглашает, а ты не отпускаешь...

— Я отпускаю, — сказала мама, — но ведь не с кем ехать.

Бобка ничего не ответил, отвернулся к стене и заплакал. Он плакал долго, пока не уснул, и снилось ему, что он едет к папе на заставу. Это был очень веселый и приятный сон.

ПОПУТЧИКИ

Однажды, когда Бобка играл в пограничников, раздался звонок, и вошли два человека. Оба были военные. Один был в пограничной форме, а другой в морской. Моряк был старый и усатый, а пограничник был молодой и безусый.

— Доброго здоровья, — сказал моряк.

— Здравствуйте, — сказал пограничник.

— Вы к кому? — спросил Бобка. Он стоял посередине комнаты и в одной руке держал револьвер, а в другой саблю.

— Мы к вам, — сказал пограничник.

— Зачем? — спросил Бобка.

— За вами, — сказал моряк.

Моряк и пограничник сели за стол, и мама стала угощать их чаем. А Бобка сел к маме на колени и принялся разглядывать гостей и слушать, о чем они говорят с мамой.

Попив чаю с медом, моряк подошел к Бобке и спросил, хочет ли Бобка ехать к своему папе Иванову на пограничную заставу.

— А мама? — спросил Бобка.

— Мне же надо учиться, — сказала мама, — я не могу сейчас ехать. А ты поезжай. Не надолго. Съездишь и вернешься. Тебе же хочется к папе.

— Хочется-то хочется, — сказал Бобка, — но только...

— Что только? — спросил моряк. — Ты, наверное, ко мне еще не привык? Да? Ты, Бобка, не бойся, ко мне можно очень скоро привыкнуть. Стоит только со мной поговорить, и все будет отлично.

И моряк стал разговаривать с Бобкой, а потом ловко и быстро починил ему сломанный пулемет. Когда пулемет сделался как новенький, Бобка решил, что начал привыкать к моряку, и сказал ему об этом.

— Ну, вот видишь, — ответил моряк, — теперь тебе осталось только сложить вещи.

— Ладно, — сказал Бобка и принялся укладывать в чемодан свое имущество.

Он уложил пулемет, винтовку, противогаз и пограничную фуражку. Уложил новую гимнастерку и ремень. А револьвер «наган» не уложил, а решил надеть на себя в дорогу.

Потом мама умыла Бобку и уложила его спать.

Засыпая, он слышал, как мама, пограничник и моряк разговаривали и смеялись.

ОТЪЕЗД

На вокзал поехали в машине. Машина была М-1, синего цвета, новая и красивая. Бобка сидел рядом с шофером, а мама, моряк и пограничник — сзади. Шофер ехал быстро и ловко.

— А вы автобусом можете править? — спросил Бобка.

— Можем, — сказал шофер.

— А скорой помощью? — спросил Бобка.

— Можем.

— А пожарной машиной?

— Можем.

— Здорово, — сказал Бобка. — А вот я, например, еду к своему папе, старшему лейтенанту Иванову, на пограничную заставу.

— Здорово, — сказал шофер. — Ну, передайте от меня привет папаше.

— Ладно, — сказал Бобка, — передам.

Они приехали на вокзал и вошли в вагон. Вагон был замечательный: с мягкими диванами, с занавесками на окнах, с лампами на столах.

— Хороший вагон, — сказал Бобка и вышел к маме на платформу.

Мама стояла возле вагона и улыбалась, но когда Бобка присмотрелся внимательнее, то уви-

дел, что мама не только улыбалась, но еще и плакала. Бобке стало жалко, что он уезжает, а она остается, и он заревел. Они немножко поплакали вместе, потом перестали, и мама сказала:

— Умоляю тебя ничего не совать в уши. Помнишь, как ты засунул пуговицу в ухо? И не просыпай зубной порошок. И не выпади из вагона. Папу поцелуй. Ну иди, иди в вагон, сейчас поезд тронется.

Бобка вошел в вагон, и поезд тронулся.

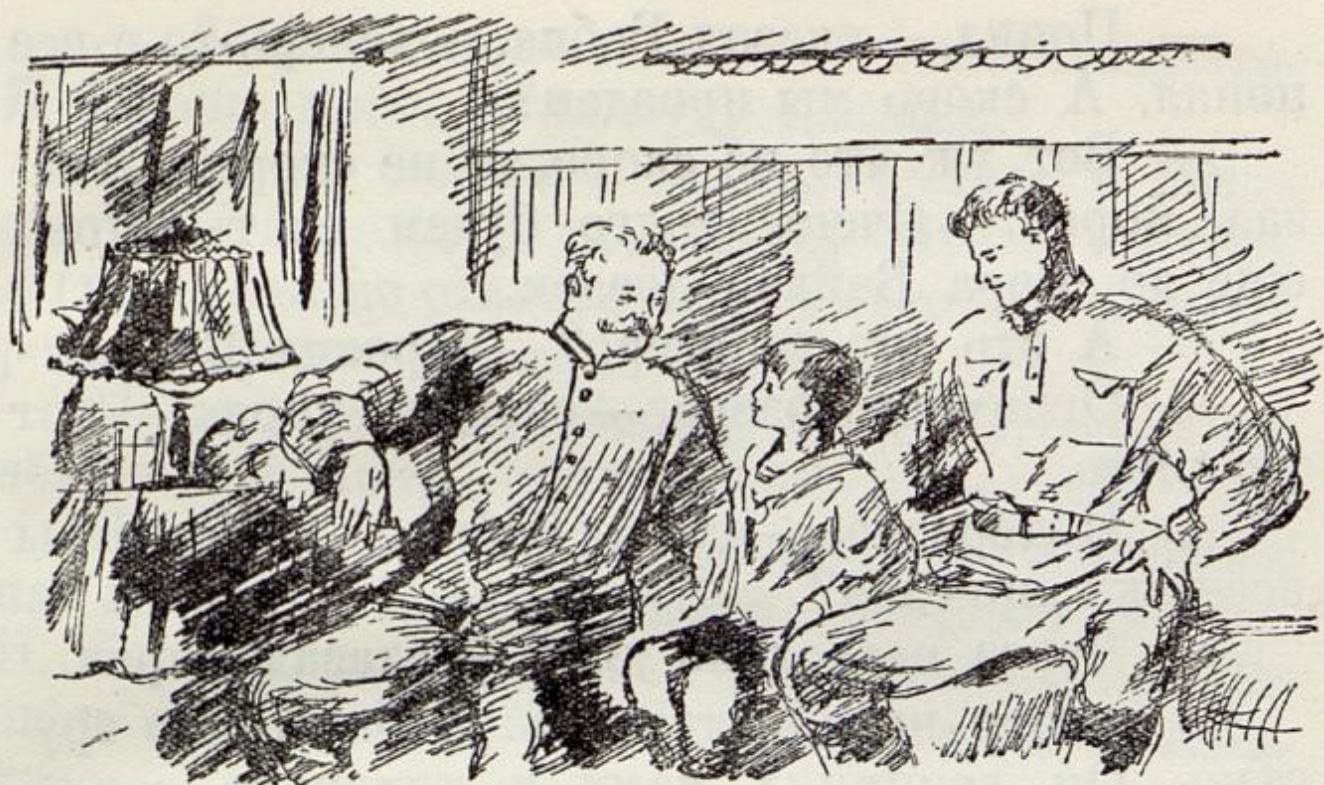
МОРЯК И ПОГРАНИЧНИК

— Ну, давай-ка теперь хорошенько познакомимся, — сказал моряк, когда Бобка сел на диван.

— Давайте, — сказал Бобка.

— Для этого каждый должен рассказать про себя, кто он такой.

— Ладно, — сказал Бобка. — Я Бобка Иванов. Мне семь лет. Осенью я пойду учиться в школу. Большая школа, знаете, на углу. Вот это как раз и будет моя школа. У меня уже для школы все приготовлено. И портфель, и тетрадки, и карандаши, и вставочки, и перья. А когда я вырасту, то буду пограничником.

— Правильно, — сказал моряк, — теперь моя очередь знакомиться. Я Петр Петрович Чистович. Мне пятьдесят пять лет. Я морской пограничник. Раньше я служил в Ленинграде, а теперь еду на Дальний Восток, туда же, где твой папа. Но твой папа охраняет границу на суше, а я — на воде. И у меня есть сын. Угадай, где он.

— Не знаю, — сказал Бобка.

— Да я же его сын, — сказал пограничник. — Он Петр Петрович Чистович, а я Николай Петрович Чистович — Коля. Я служу на одной заставе с твоим папой. Он старший лейтенант, а я младший. Я его помощник. Понял?

— Понял, — сказал Бобка, — теперь-то я все понял. А скоро мы приедем?

— Вот уж что не скоро, то не скоро, — сказал моряк. — Очень долго будем ехать. Пока еще до озера Байкал доедем...

— А это что за озеро? — спросил Бобка.

— Огромное озеро, — сказал моряк, — вот увидишь.

— Интересно, — сказал Бобка, — когда же мы все-таки приедем?

— Через несколько дней, — сказал моряк.

В вагоне начало темнеть. Бобке стало грустно. Он вспомнил маму и тихонько заплакал.

— Э, Бобка, — сказал пограничник, — это никуда не годится. На границу ревунов не берут.

— Да я совсем немножко поплачу, — сказал Бобка, — я очень быстро.

— Ну если быстро, — сказал пограничник, — тогда ладно. Плачь. Только я теперь ничего тебе не расскажу. А думал, что каждый день буду рассказывать тебе по одной интересной истории. Но раз ты плачешь, я не могу рассказывать.

— Про что истории? — спросил Бобка.

— Про часовых, — сказал Коля, — про наших красных часовых.

— Ладно, — сказал Бобка. — Рассказывайте. Я больше никогда не буду плакать.

В вагоне зажглось электричество, и стало светло и весело. А под полом вагона гремели и грохотали по рельсам колеса вагонов. И порой ревел паровоз громким басом.

Моряк угостил Бобку большим красным яблоком, а Коля — шоколадной конфетой.

Пришел проводник и постелил всем постели на диванах. Бобка умылся, разделся и лег. И Коля Чистович начал рассказывать Бобке свою первую историю. История эта называлась так:

Очень худенькая корова

— В то время я был еще совсем молодым бойцом-пограничником, — говорил Коля, — только что прибыл на заставу. Тогда у меня даже усы не росли...

— А сейчас растут? — спросил Бобка.

— Растут, но я их брею бритвой. Ну вот, тогда я еще даже не брился. Понял? И вот однажды, в самом начале зимы, только-только выпал первый снежок, начальник заставы позвал меня с собой на охоту. Был тогда моим начальником товарищ Авдеев, высокий, сильный, красивый и очень смелый человек. И умный

очень. Никто его не мог перехитрить, и ни один враг не перешел нашу границу — невозможно было перейти, и невозможно было обмануть товарища Авдеева.

Ну вот. Идем мы с ним и посматриваем, не видать ли зайца.

Вдруг товарищ Авдеев остановился и говорит:

— Посмотрите-ка, товарищ Чистович, перед собой на снежок. Ничего подозрительного не видите?

Я смотрю, смотрю и говорю:

— Нет, товарищ начальник, ничего не вижу подозрительного. Снег вижу. Следы вижу коровьи. Проходила, наверное, тут корова.

— И все?

— И все, — говорю.

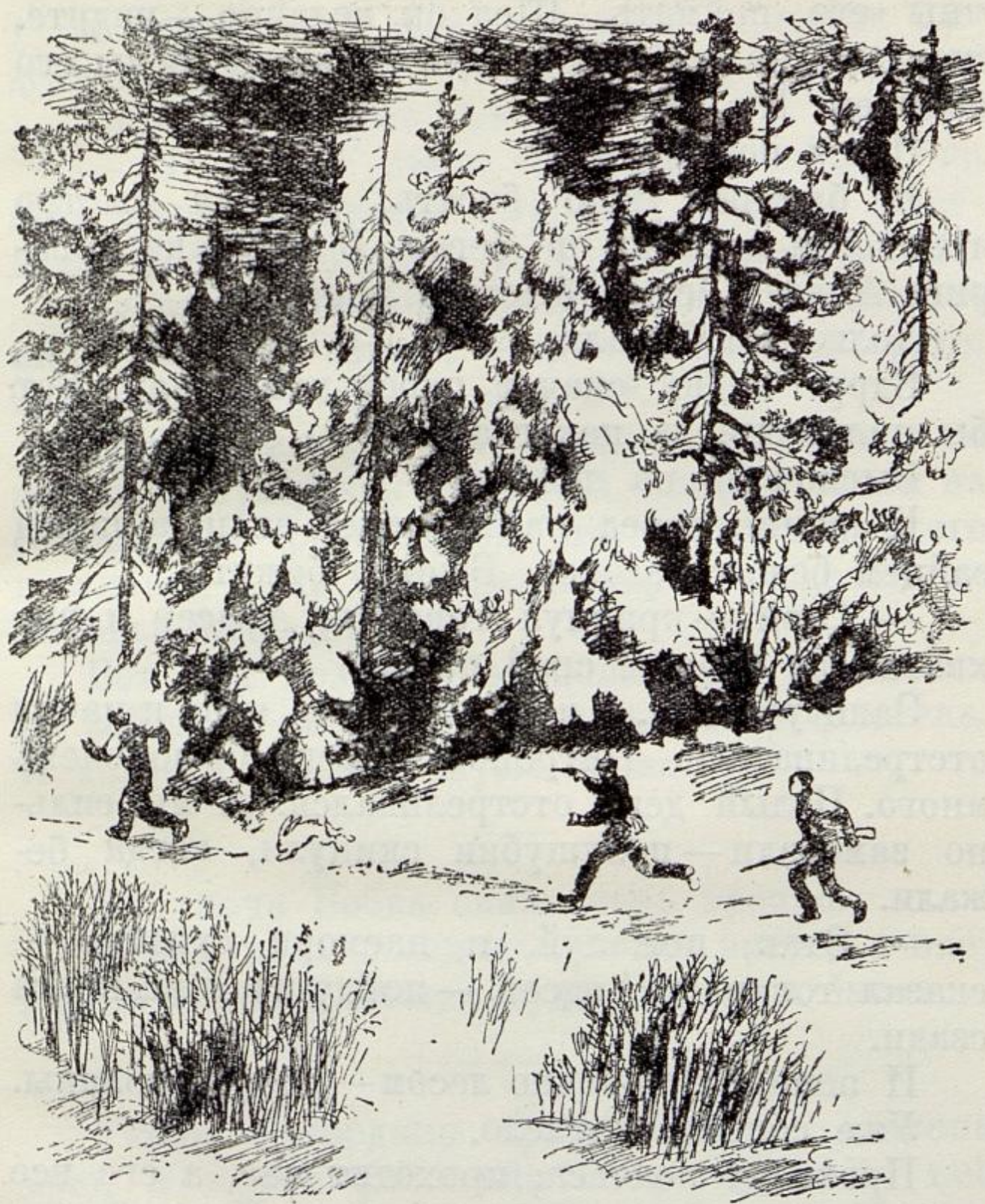
Товарищ Авдеев посмотрел на меня искоса, улыбнулся и спросил:

— А видели вы когда-нибудь таких тоненьких коров, которые могли бы пролезть между этими двумя деревьями? Между этими соснами только человек может пройти.

— Так ведь не бывает людей на коровьих копытах, — говорю, — люди на ногах, а тут копыта.

Товарищ Авдеев засмеялся и говорит:

— Все бывает. Здесь шел враг, и мы дол-

жны его поймать. Шел он недавно — видите, снег еще не засыпал следы. Побежим, и мы его поймаем. Ну, раз-два.

И мы побежали.

Я быстро умею бегать, но так быстро я никогда в жизни не бегал. И все-таки товарищ Авдеев бежал быстрее меня.

Долго мы бежали.

Вдруг видим скачет перед нами заяц. Вот бы пальнуть, да некогда.

Выскочили на полянку.

И видим: перед нами скачет заяц, а перед зайцем бежит человек. Быстро бежит.

— Стой! — крикнул товарищ Авдеев и выхватил из кобуры свой наган.

Заяц ускакал, а человек лег за пень и начал отстреливаться. Патронов у него было очень много. Целый день отстреливался. А мы сильно замерзли — полушубки скинули, когда бежали.

— Этак, пожалуй, и насморк схватим, — сказал товарищ Авдеев, — пойду-ка я на врага сзади.

И пошел тихонечко лесом — вокруг поляны. Уже совсем стемнело.

Проходит полчаса, проходит час, а его все нет. И враг больше не стреляет. Я уж беспокоиться начал. Вдруг слышу:

— Товарищ Чистович!

Я оглянулся и вижу — двое. Начальник Авдеев и тот враг.

Товарищ Авдеев говорит:

— Я к нему сзади подполз. Наставил на него наган и сказал ему, что, если он пошевелинется, я его сразу же убью. Хорош зайчик.

Очень был хорош зайчик. Роста огромного, лицо злое, от страха бледное, глаза светятся, как у волка. Вот-вот зарычит.

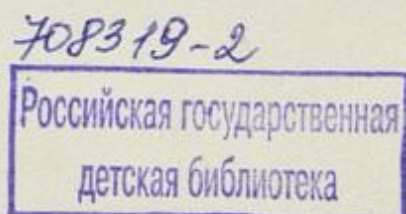
Повели мы его на заставу. Подобрали по дороге полушубки, шлемы. А когда пришли на заставу, то разглядели, что у врага у этого к сапогам были привязаны нарочно сделанные коровьи копыта.

Вот как получилось: пошли мы охотиться на зайца, ловили корову, а поймали человека. И человек оказался хуже волка.

Всю ночь Бобка спал очень крепко.

И всю ночь поезд мчался все вперед и вперед, и паровоз иногда гудел громким басом.

Утром проводник принес им три стакана чаю, а моряк разложил салфетку и на ней приготовил бутерброды. Чай был очень вкус-

ный, и бутерброды с колбасой тоже были очень вкусные. А после чаю усатый Петр Петрович вынул из кармана открытку и спросил у Бобки, что написать его маме. И Бобка быстро продиктовал:

Дорогая моя мама!

Я еду и еду. И сколько только еще буду ехать. Но ехать нам весело. Я уже знаю одну историю про тонкую корову. Сейчас мы попили чаю. Напиши мне, как ты учишься: хорошо или плохо. Поезд мчится очень быстро. Паровоз очень большой. Я без тебя не скучаю. И ты не скучай.

Боб Иванов.

Когда поезд остановился, Коля взял открытку, надел форменную фуражку, вышел из вагона и опустил открытку в почтовый ящик.

Бобка глядел на Колю в окно.

Станция была большая и красивая. На платформе продавали мороженое. Бобка постучался в стекло и крикнул Коле:

— Ку-пи-те мо-ро-же-но-го на целый рубль!

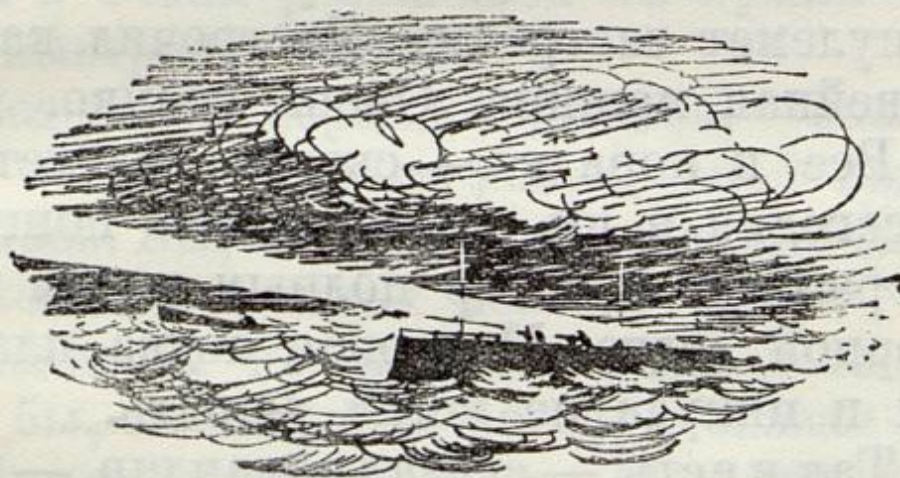
Вернулся Коля с мороженым, повесил свою зеленую фуражку на крючок, и поезд опять пошел.

— Ну, Петр Петрович, — сказал Бобка, — расскажите теперь мне вашу историю про морского пограничника. Мне очень интересно.

— Ладно, — сказал Петр Петрович, — я сейчас расскажу тебе историю под названием:

Горячий чайек

Граница проходит не только по лесу и по полю. Она проходит и по морю. И там нашу страну охраняют от врагов пограничные катера. Во всякую погоду выходят катера в море. И в туман и в бурю. Чем темнее ночь, тем больше опасность. Надо глядеть в оба. В темноте, в тумане враг на моторной лодке, в ве-

сельной шлюпке, а то и просто вплавь стараются пробраться в нашу страну...

Была темная осенняя ночь. По волнам мчался маленький моторный катер. Был ветер в снастях. Бился по ветру маленький зеленый флажок. А зеленый цвет — это цвет пограничников. И зеленый флажок на катере означал, что катер пограничный. Катер был хорошо вооружен. Вооружен пулеметом и даже маленькой пушкой.

На капитанском мостике стоял командир катера. Его то и дело окатывало волной. Командир посмотрел в бинокль и вдруг приказал осветить прожектором что-то видное только ему.

Яркий луч прожектора осветил пляшущую по волнам моторную лодку.

Лодке приказали остановиться. Но она не послушалась. И стала удирать.

— К пулемету! — приказал командир.

Пулеметчик взялся за пулемет.

И пулемет застрочил. Застрочил, как огромная швейная машина. Очень громко.

— Все в порядке, — сказал пулеметчик Саша, — сегодня я им на гармонике поиграю.

Пограничный катер полным ходом подошел к моторной лодке. Моторная лодка плясала на волнах и никуда не могла уплыть.

— Так и есть, — сказал командир, — прострелил наш пулеметчик им мотор.

Врагов было трое. Самый главный был с маленькой бородкой и в очках. И стал врать, что он очень хороший человек, а не какой-то враг.

— Ладно, — сказал командир, — разберемся.

Он привел человека к себе в каюту и стал его расспрашивать. Человек с бородкой совсем промок на своей моторной лодке и попросил стакан горячего чаю, чтобы согреться. Ему дали чаю.

Чай был очень горячий, просто кипяток.

— Ужас какой горячий чай, — сказал человек в очках, — руки обжигает.

— Да, — сказал командир, — мы любим горячий чаек.

В эту секунду человек в очках размахнулся и хотел вылить кружку горячего чаю прямо в лицо командиру.

Вдруг раздался выстрел, и стакан в руках человека в очках развалился на куски.

Это выстрелил командир.

— Вот какой хороший человек, — сказал командир. — Просто удивительно, какой вы хороший человек. Вы, наверно, это нечаянно сделали?

Но человек в очках молчал.

— Если бы вы мне кипятком в глаза попали, я бы, пожалуй, и ослеп, — сказал командир. — Придется вас связать. Мы таких хороших веревкой связываем.

Человека в очках связали, и командир ему сказал:

— У меня очень хорошие глаза. Пограничные. Я в темноте вижу. Вас увидел и еще кое-кого увижу. Не помог ваш горячий чаек. Рассказывайте, зачем вы пробирались в Советский Союз.

Всех врагов посадили в одну каюту, а по соседству в другой каюте сидели погранични-

ки-моряки, и пулеметчик Саша играл на гармонике. Пограничники пили очень горячий чаек и ели хлеб с маслом, а Саша тихонько играл на гармонике и напевал тоже тихонько, но так, чтобы врагам все-таки было слышно:

И от тайги до Британских морей
Красная армия всех сильнее.

А катер шел и шел по волнам. Командир стоял на своем мостике, покручивал ус и глядел вперед. Была очень темная ночь.

— А командир — это были вы? — спросил Бобка, когда Петр Петрович кончил рассказ.

— Я, — сказал Петр Петрович и выбил золу из своей трубки. — Я, брат, был, есть и буду командиром. Понравилась тебе моя история про горячий чаек?

— Очень понравилась, — ответил Бобка.

Каждый вечер моряк Петр Петрович Чистович рассказывал Бобке по одной истории. Это были удивительные истории. После истории про горячий чаек Бобка узнал замечательную историю про знаменитого пограничника Карацюпу и про его собаку. Потом моряк рассказал Бобке о том, как два мальчика поймали шпиона. Потом была история про живое деревянное бревно, — в ней рассказывалось о том,

как нарушитель притворился плавающим в море бревном. Потом была история про медведя, который забрался к пограничникам. И потом была очень интересная история про голубей: эти голуби каждый день вылетали из окошка. Пограничники поймали одного такого голубя и прочитали записочку, которая была привязана к его лапке. Прочитали, пришли под окошко и постучались. Им открыл окно лохматый старик в тибетейке. И сразу стал отстреливаться из револьвера. Но не тут-то было. Его забрали, и он сознался, что голуби перевозили за границу разные шпионские сведения.

А в предпоследний вечер пограничник Коля Чистович рассказал Бобке две коротенькие истории: одну про то, как боец-пограничник Левченко задержал сразу четверых врагов, а другую про то, как враг-шпион притворялся безногим калекой.

Долго ехал Бобка, так долго, что даже надоело. И как-то под вечер Петр Петрович ему сказал:

— Вот, Бобка, начинается Дальний Восток.

— Уж, действительно, дальний, — согласился Бобка, — уж такой дальний, что дальше не бывает.

— Бывает и дальше, — сказал Петр Петрович.

- А скоро мы уже приедем?
— Завтра ночью, — сказал Коля.
-

Накануне приезда Коля рассказал Бобке последнюю свою историю, которая называлась так:

Горка из снега, волк и часовой

Целую ночь падал снег, и все в лесу побелело — и земля и деревья. Пограничник сидел на своей заставе, в жарко натопленной столовой, пил сладкий чай с молоком и глядел в окно. Он думал о том, что сегодня уже нельзя идти в лес в зеленой фуражке и в шинели — на белом снегу слишком уж будет выделяться зеленая фуражка, враг сразу заметит, и его тогда не возьмешь в плен.

Напившись чаю, пограничник надел валенки, шлем, полушубок и рукавицы, а сверху накинул на себя белый плащ, такой белый и чистый, как сегодняшней снег. Потом он взял винтовку, закурил папироску и пошел в лес. Он знал лес так хорошо, как каждый из нас знает свою комнату. Вот тут сломанная сосна. А тут большой пенек. А дальше овражек. А дальше две одинаковые елки. Точь-в-точь как в комнате: тут стул, тут маленький столик, тут кровать...

Ничего интересного не услышал пограничник и не увидел, пока шел к той елке, где был секрет. А секрет—это такое особенное место, секретное, в котором враг не видит пограничника. А пограничник отлично видит врага.

Пришел пограничник к елке, раскопал немного снег и устроился поудобнее. Так устроился, что совершенно не видно его. Снег белый и пограничник белый. И будто не человек под елкой притаился, а просто намело такой сугроб—горкой.

Тепло, удобно. Ноги в валенках. Полушубок

теплый-претеплый. И шлем хорош. И рукавицы отличные.

Тихо в зимнем лесу.

Редко, редко прошуршит ветерок.

Щелкнуло что-то.

Прислушался пограничник и подумал: «Это, наверное, обломалась ветка на корявой сосне. Давно она треснула, а теперь, наверное, и во все обломила от тяжести снега».

Опять стало тихо.

Все лесные шумы знает пограничник. Знает, как щелкают промерзшие деревья. Знает, как хрустят ветки под ногами зверей. Знает, как шумят от ветра голые деревья.

Совсем близко граница. Вот та разлапистая ель на пригорке уже не советская, а заграничная. И снег тот уже не советский.

Вдруг что-то зашуршало.

Замер пограничник.

Сжал в руках винтовку.

Ах, вот это кто!

Вышел из-за елок большой, сильный волк.

И не вышел, а испуганно выскочил.

Что такое?

Наверное, человек испугал волка.

Наверное, выйдет сейчас из-за елочек человек. Выйдет враг. Шпион или диверсант.

Спасибо тебе, дорогой волчище, что предупредил, и проваливай поскорей.

Волк умчался. Опять стало тихо.

И вдруг из-за елочек на лыжах выкатился человек. В одной руке у него лыжная палка, а в другой большой револьвер. Постоял, огляделся. Лицо у него большое, красное.

Не увидел враг пограничника за сугробом.

И поехал прямо на него. Быстро и ловко едет враг. Вот он уже совсем близко. Лицо у него сердитое. Смотрит на пограничника и не понимает, что это пограничник. «Просто, — думает, — намело снег — сугроб. Сейчас я с этого сугроба съеду».

И вот, когда он подъехал к сугробу вплотную, сугроб вдруг оказался живым. Он встал, поднял винтовку и сказал тихим голосом:

— Стой!

Побледнел нарушитель и уронил в снег свой большой револьвер. И поднял руки кверху.

— Сдаюсь, — сказал он, — не стреляйте.

— Всё? — спросил Бобка.

— Всё, — сказал Коля. — Утром мы уже приедем. Засыпай скорей, а то не выспишься.

Бобка укрылся до подбородка одеялом и начал засыпать, а поезд все мчался вперед и вперед, и паровоз порой гудел громким басом.

ПРИЕХАЛИ

Поезд остановился, и Коля первым вышел из вагона на маленький темный перрон.

— Здесь, — крикнул кому-то Коля, — здесь, товарищ Иванов!

Бобку кто-то схватил на руки, обнял и стал крепко целовать в щеки и в нос.

— Ну здравствуй, — говорил Бобке его папа, старший лейтенант Иванов, — здравствуй, сын. Как ты вырос! Ну что ж ты молчишь? Мама здорова?

Бобкин папа был небольшого роста, в черном кожаном пальто, в сапогах и в кожаных

перчатках. Он был очень сильный и нес Бобку на руках легко, как перышко, и, кроме того, нес еще Бобкин чемодан. Возле станции стояла тележка, наваленная соломой. Бобка и Коля сели в тележку, Бобкин папа дернул вожжи, лошадь побежала, папа тоже побежал и сел уже на ходу.

Они ехали очень долго по темному лесу. Деревья были высокие и черные, шумел ветер. А колеса тележки то и дело тарахтели по древесным корням.

На заставу приехали когда уже совсем рассвело. Застава стояла на пригорке над узенькой речкой. Сзади заставы желтели колхозные поля, а за речкой уже была граница. Возле заставы ходили пограничники в зеленых фуражках: один колол дрова тяжелым топором, другой щеткой начищал сапог, третий взобрался на высокое дерево и прикручивал проволоку для радиоантенны...

Бобкин папа привел Бобку к себе в комнату, поставил Бобку между коленями, погладил по голове и спросил:

— Есть хочешь?

— Хочу, — сказал Бобка.

— А пить?

— Тоже хочу, — сказал Бобка.

Старший лейтенант Иванов налил Бобке

большую кружку молока и сам сжарил ему яичницу из двух яиц. Бобка с удовольствием принялся за еду. Яичница оказалась очень вкусной.

ЗАСТАВА

Когда Бобка наелся, папа стал показывать ему заставу. Сначала они пошли на конюшню и поглядели лошадей. Лошади были хорошие, крепкие, сильные.

— Вот это мой конь, — сказал старший лейтенант Иванов и подвел Бобку к загородке, в которой хрустел овсом тонконогий рыжего цвета конь. — Хорош?

— Хорош, — сказал Бобка, — он не кусается?

— А ты дай ему сахару, — сказал папа, — только не пальцами, а на ладони. Не бойся, не бойся, он возьмет губами, а губы у него очень мягкие, как бархатные.

— Как его зовут?

— Его зовут Васькой, — сказал папа.

Покормив Ваську сахаром, они вышли из конюшни и отправились на заставу — в общежитие бойцов.

В общежитии была хорошая столовая с маленькими столиками. На каждом столике была

скатерть, и стояли в банке живые цветы. Из столовой они пошли в спальню бойцов-пограничников. Из спальни — в Красный уголок, где были мягкие стулья, и кресла, и радио, и шашки, и домино, и шахматы, и книги. Бойцы-пограничники здесь отдыхали и учились.

— Вот, товарищи, — сказал Бобкин папа, — это мой сын, Бобка Иванов, он приехал ко мне погостить, познакомьтесь.

Бойцов было много, и с каждым из них Бобка здоровался за руку и каждому называл свою фамилию и свое имя. И каждый боец тоже называл свою фамилию.

— Борис Иванов, — говорил Бобка.

— Туруханов, — отвечали ему.

— Знобейко.

— Махмудинов.

Бобка так долго здоровался, что даже устал. А когда поздоровался со всеми, то увидел, что папа его ушел и что он теперь остался один с бойцами-пограничниками. Но ему не было скучно. По радио играла музыка, бойцы шутили с Бобкой и расспрашивали его про Ленинград.

Один боец по фамилии Туруханов рассказал Бобке, что своими глазами видел однажды настоящего тигра, а другой боец, Махмудинов, рассказал про медведя. А Бобка в ответ рассказал, как был с мамой в зоологическом саду.

ЗНАМЕНИТЫЙ НЕПОСЕДА

Наутро папа показал Бобке своего пса, которого звали «Непоседа». Непоседа был черный, некрасивый и голову держал немного набок. Он никого не слушался, кроме папы или Коли Чистовича, и папа рассказал Бобке всю историю этой собаки.

Она родилась очень слабой, и никто не верил, что из нее будет толк. Но папе она нравилась, и он взял ее к себе и начал воспитывать, кормить и учить. Каждый день он давал ей одно сырое яйцо. Поил ее рыбьим жиром. Варил ей овощи и ухаживал за ней, как за маленьким ребенком. Когда она болела, то папа по нескольку раз в ночь вставал и выходил к ней. И Непоседа очень привязался к папе и бродил за ним следом, куда бы папа ни пошел. И оказался на редкость умной и сообразительной собакой.

Для того, чтобы какой-нибудь враг не отравил Непоседу, папа приучил его брать еду только у него, у папы. И Непоседа стал делать очень потешные вещи.

Иногда бойцы-пограничники бросали Непоседе то косточку, то конфету, то кусок булки. Непоседа знал, что без разрешения лейтенанта Иванова он не может ничего съесть. Но ко-

сточка так вкусно пахла, что Непоседа не решался ее бросить. И вот он выкапывал ямку, относил туда и косточку, и булку, и конфету, забрасывал все эти вкусные вещи землей и ждал лейтенанта Иванова. И когда лейтенант Иванов приходил, то Непоседа лаял и умильно вилял хвостом, как бы спрашивая:

— Можно мне съесть эту косточку? Вы только посмотрите, какая она чудная. Небось, даже вам захотелось ее погрызть? А конфетка? А булка?

— Кто тебе дал эту кость?— строго спрашивал лейтенант Иванов.

И Непоседа вел Бобкиного папу к тому человеку, который, несмотря на запрещение, дал ему кость. И к тому, который дал ему конфету. И к тому, который дал ему булку.

— Как вам только не стыдно,— говорил им всем Бобкин папа,— это же безобразие. Вы мне собаку портите.

А Непоседа в это время грозно лаял на того человека, который подарил ему булку, кость или конфету.

Постепенно он вырос в большого и сильного пса. Лейтенант Иванов подолгу занимался с ним всеми науками для собак. Учил его лазать по лестницам, прыгать через стенку. Учил его ходить у левой ноги, носить поноску—

палку или камень, учил вставать и ложиться по команде, учил слушаться, учил быть смелым и ловким, учил ничего не страшиться и для этого стрелял в него холостыми патронами из револьвера и из винтовки.

Пес понимал лейтенанта с одного слова.

Пес научился ходить по следу, научился хватать врага за горло и за руку, научился настигать и сбрасывать врага на землю. И очень скоро показал себя на деле.

Однажды Бобкин папа, старший лейтенант Иванов, заболел. У него сделалось воспаление среднего уха. Папа очень мучился. Начальство уговаривало Иванова лечь в госпиталь, но он не слушался, потому что была осень с темными дождливыми ночами, а в такие ночи много врагов пытается проникнуть на советскую землю. Старший лейтенант Иванов остался на своей заставе и через день к нему приезжал военный доктор и лечил ему уши.

Как-то выдалась особенно плохая ночь. Выл ветер, в стекла барабанил дождь, и темень была такая, что совсем ничего не было видно. Лейтенант Иванов часто выходил на крыльцо и глядел в черное небо, но там ничего не менялось, — до рассвета было далеко, а низкие тучи от края до края залепили небо и поливали лес и заставу дождем.

Неспокойно чувствовал себя лейтенант Иванов. В такую ночь начальник сам должен быть в лесу, на границе, а он из-за своих больных ушей сидит дома.

Нехорошо.

Еще раз вышел Бобкин папа на крыльцо.

Темно.

И ветер свистит.

Подумал, подумал Иванов, вернулся домой, завязал потеплее уши ватой и бинтом, надел на себя непромокаемый плащ, захватил револьвер, взял на поводок черного Непоседу и потихоньку пошел к границе, в лес. Там он отпустил Непоседу и в темноте, под проливным дождем вошел в лес.

«Эх, нехорошо, что у меня уши завязаны, — думал Иванов, — накинется на меня кто-нибудь сзади — ничего не услышу. А снять повязку нельзя. Доктор сказал, что, если застужусь, могу оглохнуть».

Вот шел, шел лейтенант Иванов по лесу и приглядывался в темноте. Вдруг Непоседа рванулся в сторону. Завыл, залаял... И в ту же секунду лейтенант Иванов совсем близко от себя услышал два выстрела и вслед за выстрелами отчаянный крик:

— Сдаюсь, сдаюсь, уберите вашу собаку!..

Лейтенант Иванов побежал на крик и уви-

дел, что Непоседа повалил врага, держит зубами его руку с револьвером и рычит не переставая.

— Фу, — крикнул лейтенант, — фу, Непоседа! (Фу — на собачьем языке значит «оставь, не надо».)

Непоседа неохотно отпустил врага, враг поднял руки, и старший лейтенант Иванов привел врага на заставу. Так Непоседа спас Бобкиному папе — лейтенанту Иванову — жизнь и еще поймал врага.

Сейчас Непоседа ел суп из чистой миски и от удовольствия махал хвостом. А старший лейтенант Иванов говорил Бобке:

— Один нарушитель как-то хотел выстрелить из револьвера в Колю Чистовича. Ты его знаешь, Колю? Ну вот, враг уже поднял револьвер и наверное убил бы Колю. Но Непоседа подпрыгнул, укусил вра-

га за руку, и пуля попала не в Колю, а в снег.

— Можно Непоседе дать сахару? — спросил Бобка.

— Попробуй, — сказал папа.

Бобка бросил псу сахар, но Непоседа не стал есть. Только обнюхал и с грустной мордой отвернулся.

— Возьми, — сказал Бобкин папа.

Непоседа с грохотом разгрыз сахар, вильнул хвостом и сел на пол.

— А один раз, — сказал папа, — он шел за врагом три часа по следу. И настиг врага, когда тот плыл по реке. Впился ему зубами в ногу, враг стал тонуть, и в это время его настигли наши пограничники.

— Я ему еще дам сахару, — сказал Бобка.

ПОВАР

Бобка на заставе очень подружился с поваром Котлетычем. Так в шутку бойцы называли Сеню Знобейко — заставского повара. Называли его так потому, что он прекрасно приготавливал котлеты из мяса, из картофеля с грибным соусом и даже из морковки. Котлетыч был очень ловкий парень, мог выделять разные упражнения на гимнастических

приборах, здорово нырял, умел показывать фокусы и хорошо пел песни. Бобке было с ним очень интересно, и он подолгу торчал на кухне у Котлетыча. Котлетыч работал всегда в колпаке и в белом халате. На кухне вкусно пахло и можно было съесть то сырую морковку, то капустную кочерыжку, то сушеное яблоко или грушу. А, главное, Котлетыч рассказывал Бобке отличные истории.

— Да, брат Бобка, — сказал как-то Котлетыч, размешивая огромной ложкой картофельное пюре, — вот ты спрашиваешь, что бывает, если враг все-таки пролезет к нам в страну? Бывают разные случаи. Два случая я могу тебе рассказать.

— Расскажите, — попросил Бобка, — пожалуйста.

— Ладно, — сказал Котлетыч. — Первая история будет называться так:

История про пушечного мастера

— Пушечный мастер, — начал Котлетыч свой рассказ, — это такой мастер, который делает пушки. У меня в том городе, где я родился, есть товарищ — пушечный мастер. Вот один из врагов пролез в наш город и узнал, что мой товарищ Леня делает пушки. В свой

выходной день Лёня поехал за город — на речку. И враг тоже. Лёня выкупался и лег загорать на песок. Враг улегся рядом с Лёней. У Лёни был с собой портфель, а в портфеле был завтрак, бутерброды и бутылка молока. Вот Лёня лежит

и замечает, что человек, который загорает рядом с ним, все время поглядывает на Лёнин портфель и старается так устроиться, чтобы быть поближе к портфелю. «Наверное, воришка, — подумал Лёня, — наверное, хочет украсть портфель; заметил, наверное, что я спрятал в портфель свои отличные часы».

Леня решил притвориться спящим и так здорово притворился, что даже захрапел. А враг, увидев, что Леня спит, протянул руку к портфелю и заглянул внутрь. Но так как в портфеле не было никаких секретных бумаг, а бумаги-то как раз и были нужны врагу — он хотел узнать, как у нас делают пушки, — то враг закрыл портфель и тоже притворился спящим.

«Э, нет, — решил Леня, — это не воришка. Какой же это воришка, если он не украл мои отличные часы. Это, наверное, шпион. Он, наверное, хочет украсть наши секретные бумаги, он, наверное, думает, что я растяпа и ношу их с собой на речку. Нет, я вовсе не растяпа. Все мои бумаги лежат в надежном месте и крепко заперты».

И Леня стал думать о том, как бы ему не упустить теперь врага. Если бы это случилось в городе, Леня мог бы позвать милиционера. Но это случилось на речке, и поблизости никого не было видно.

Тогда Леня решил притвориться больным.

Он еще немножко похрапел, а потом стал стонать и метаться на песке. Постонав и пометавшись, он притворился, что проснулся, и притворился, что его тошнит.

— Знаете, — сказал он врагу, лежавшему

рядом, — меня нажгло солнце. Я, кажется, получил солнечный удар. У меня страшно болит голова, и все передо мной кружится. Пожалуйста, помогите мне одеться.

— С удовольствием, — сказал враг.

Враг помог Лене одеться и зашнуровал ему ботинки. Он это делал не потому, что был добрый и пожалел Леню, а потому, что подумал так: «Пушечный мастер заболел, и я его провожу домой. А у него дома, наверное, есть секретные бумаги, и я их украду. Он больной и не заметит».

— Знаете что, — сказал враг, — я вижу вам совсем плохо. Давайте-ка я вас провожу домой. Пойдемте.

— Спасибо, спасибо, — сказал Леня, — вы очень добрый, я вижу.

И, повиснув на руке врага, охая и вздыхая, Леня поплелся с ним в город. Сначала они шли пешком, потом ехали в трамвае, потом опять шли пешком. Враг был очень зол, потому что ему пришлось почти на руках тащить Леню, но зато он с удовольствием думал о том, как украдет у Лени важные документы.

Как только они пришли домой, Леня лег на диван и попросил врага позвонить по телефону доктору. Враг позвонил и попросил Ивана Сергеевича сейчас же приехать. Леня опять

притворился спящим и видел, как враг шарит в его комнате. Но враг, конечно, ничего не нашел, Леня все секретное прятал на службе в стальном шкафу. Вдруг раскрылась дверь, и вошел Иван Сергеевич. Но Иван Сергеевич был вовсе не доктор. Иван Сергеевич был Ленин товарищ — чекист.

— Ах, вот здесь кто, — сказал Иван Сергеевич, увидев врага, — давно я вас ищу. Как тебе удалось его поймать, Леня?

Леня стал рассказывать, а враг сидел на стуле бледный и злой.

— Никогда шпионам не узнать, как мы делаем наши пушки, — сказал Бобка. — Верно, Котлетыч?

— Правильно, — сказал Котлетыч, — в этом деле самое главное не быть растяпой.

— Это уж конечно, — сказал Бобка.

— Хочешь капустную кочерыжку? — спросил Котлетыч.

— Хочу, — сказал Бобка.

— Ешь, — сказал Котлетыч, — и смотри за крупной, как бы она не подгорела. А я быстренько сбегая, немножко постреляю. Чего доброго, стрелять отвыкну с ложками да поварешками.

И говоря так, Котлетыч снял с себя фартук и колпак, одернул гимнастерку, надел на голову зеленую пограничную фуражку и побежал на стрельбище.

А Бобка встал на табуретку возле плиты и, размешивая крупу для гречневой каши, принялся мечтать о том, как он когда-нибудь поймает врага.

Когда Котлетыч вернулся, Бобка потребовал вторую историю.

— Ладно, — сказал Котлетыч, — эта история будет называться так:

Герой Чернышев

— В Москве, — начал Котлетыч свой рассказ, — в нашей столице, в том городе, где живут и Сталин и Ворошилов, есть казармы, которые называются Чернышевскими. Ты знаешь, что такое казарма?

— Конечно, знаю, — сказал Бобка, — это дом, в котором живут и учатся красноармейцы.

— Правильно, — сказал повар. — Ну вот. Ты пока только запомни название: Чернышевские казармы.

— Запомнил, — сказал Бобка.

— Так, — продолжал Котлетыч. — Это было давно. В 1925 году. Хитрый и коварный враг

пробрался к самой Москве и поджег артиллерийский склад — склад пушечных снарядов, бомб и пороха. Тысячи снарядов со страшным грохотом взорвались и взлетели на воздух, к самому небу.

На посту номер два стоял в это время часовой красноармеец Чернышев. Как только загремели взрывы, Чернышев схватил веревку сигнального колокола и стал звонить в колокол, вызывая своего начальника — разводящего.

Вокруг Чернышева дождем падали обломки взорвавшихся зданий, падали вырванные с корнем деревья, падали камни, кирпичи, осколки снарядов, на самом Чернышеве тлела одежда, от дыма Чернышев почти ничего не видел, но своего поста он не покидал и непрерывно звонил в колокол. А вокруг уже все пылало.

Вдруг из пламени и дыма, весь обгорелый, появился помощник начальника склада.

— Бегом! — крикнул он. — Скорее! Мы еще можем спастись...

Но герой Чернышев ответил:

— Я не покину своего поста, что бы ни случилось.

И не покинул.

Когда кончились взрывы и затих пожар, часового Чернышева нашли мертвым. Его при-

давила балка. Одной рукой Чернышев сжимал свою винтовку, а в другой был крепко зажат обрывок сигнальной веревки от колокола.

И теперь те казармы, в которых жил Чернышев, названы его именем: Чернышевские казармы.

КИТАЙСКИЙ МАЛЬЧИК

Как-то вечером Бобка рисовал в своей комнате танк, вдруг его позвали. Он выглянул во двор. Несколько бойцов сидели верхом на лошадях — без сёдел.

— Вы меня звали? — спросил Бобка.

— Звали, — сказал один боец, — поедem лошадей на речку поить.

— Ладно, — сказал Бобка.

Но все лошади были очень высокие, и Бобка никак не мог забраться ни на одну из них. Тогда из кухни вышел Котлетыч с двумя табуретками — одну поставил на другую, наверх взгромоздил Бобку и подвел к табуреткам коня. Бобка вцепился коню в гриву, сел и поехал вместе с бойцами. На нем была пограничная фуражка, и деревянный наган висел сбоку. Он чувствовал себя совсем пограничником и очень удивился, что никто не замечает, как он здорово поехал верхом с первого раза.

— Поезжай, Бобка, вперед, — сказал Бобке один боец, — будешь за командира.

Бобка выехал вперед, поправил свою зеленую фуражку и уселся поудобнее на спине у коня. А бойцы запели песню: «Конная Буденного».

Спустившись вниз под горку, проехали немного над речкой и остановились поить лошадей. Коня не торопясь входили в воду, отфыркивались и пили. А на другой стороне речки стоял маленький мальчик с бритой головой, одетый в рваную одежду, и смотрел на Бобку и на бойцов.

— Чего он смотрит? — спросил Бобка.

— Кто ж его знает, — сказал боец Туруханов, — интересно ему, вот он и смотрит.

Мальчик смотрел, смотрел, потом вдруг крикнул какое-то непонятное слово.

— Что он говорит? — спросил Бобка.

— Да он китаец, — сказал Туруханов, — по-своему говорит. Сейчас разберемся.

А китайский мальчик говорил что-то громко и быстро, и по тому, как он прикладывал руки к груди и кланялся, было понятно, что он просит. А боец Туруханов чем дальше слушал, тем больше хмурился.

— Вот гады, — сказал наконец Туруханов, — чего делают.

И он рассказал бойцам и Бобке, что японцы убили отца у этого мальчика и убили мать, и убили сестру, и что теперь этот мальчик остался один и ему нечего есть, и что он хочет убежать от японцев к красным — пограничникам, но японцы его не пускают.

— А за что японцы убили его папу? — спросил Бобка.

— За что? — сказал Туруханов. — Да ни за что. Пришли, заняли деревню, а он, наверно, не хотел, чтобы они его грабили, — взяли да убили. Эх!

И Туруханов опять сердито нахмурился.

Пока они так разговаривали, на том берегу, где стоял китайский мальчик, вдруг появился маленький, коренастый японский офицер. Он был с саблей на боку и с хлыстиком в руке и одной рукой покручивал усы. И шел он так, как будто бы танцевал, а на его лице была улыбка, он улыбался и смотрел на китайского мальчика.

— Будет бить, — сказал Туруханов, — сейчас ударит.

Он не успел сказать это, как японец высоко поднял свой хлыст и со всего размаха ударил мальчика хлыстом. Мальчик закрыл голову ладонями и хотел было убежать, но японец подставил ногу, и мальчик упал лицом в высокую траву.

А японец, широко расставив ноги в начищенных сапогах, все бил и бил маленького китайского мальчика, стегал его и по спине, и по голове, и по босым загорелым ногам, и мальчик кричал и плакал все тише и тише.

— До смерти застегает, — сказал Туруханов.

Офицер сунул хлыст под мышку, вынул из кармана папироску и закурил. Было очень тихо, и Бобка услышал, как плачет избитый мальчик.

— Поедемте, освободим мальчика, — сказал Бобка.

— Нельзя, — сказал Туруханов. — Целая война может подняться.

Он помолчал и добавил:

— Ничего, попадется нам когда-нибудь этот офицер.

А офицер отдохнул, покурил и, ударив мальчика ногой, погнал его по дорожке в деревню. Иногда он подстегивал его хлыстом, и мальчик каждый раз вскрикивал и закрывал свою бритую голову руками.

На заставу бойцы ехали молча, не разговаривали и не пели песен. И Бобка тоже молчал. Ему было очень жалко мальчика.

Рано утром старший лейтенант Иванов разбудил Бобку и сказал ему, что тот маленький

китайский мальчик ночью прибежал к нашим пограничникам.

— Не может быть, — сказал Бобка. — Дай честное пионерское.

— Честное пионерское, — сказал папа.

— А где он сейчас?

— Где ему быть, — сказал папа, — на заставе.

— А мне можно на него поглядеть? — спросил Бобка.

— Конечно, можно.

Очень быстро одевшись и умывшись, Бобка выскочил во двор и остановился возле крыльца. На крыльце сидел Котлетыч в колпаке и в халате, Коля и товарищ Туруханов, а посередине пил чай из большой кружки маленький китайский мальчик. Возле него на газете лежали холодные котлеты, ситный хлеб, огурцы, несколько кусков сахара, и стоял целый кувшин молока.

— Вот парень, — сказал Бобке Туруханов, — удрал-таки.

— Молодец, — сказал Бобка.

— Надо ему борща принести, — сказал Котлетыч, — пусть борща поест.

Но Бобкин папа запретил приносить борщ.

— Это просто ужас, — сказал Бобкин папа, — вы мне ребенка уморите. Не может он столько съесть, он ведь не резиновый.

— А как его зовут? — спросил Бобка.

— Ю-Лин, — сказал Котлетыч, — ему восемь лет. Хороший парень. Мы уж тут с ним поговорили.

Бобка спросил, можно ли ему познакомиться с мальчиком, и познакомился. Потом он принес мальчику свои штаны, желтые полуботинки, ковбойскую рубашку и пояс. Мальчик сначала никак не мог поверить, что это все ему, а потом очень обрадовался и, не допив свой чай, хотел переодеться, но пограничник Коля ему не позволил.

— Э, нет, — сказал Коля, — надо, брат, тебя прежде вымыть. Можно у тебя, Котлетыч, получить с кухни горячей воды?

Принесли два ведра кипятку и вылили в бочку. Потом принесли холодной воды, мыло и мочалку, и Коля вместе с Турухановым занялись мытьем Ю-Лина. А он сидел в бочке, делал Бобке веселые гримасы и визжал, когда его щекотали.

— Вот теперь одевайся, — сказал Коля, — теперь ты, Ю-Лин, чистый, как стеклышко. Эх, как тебя твой японец избил.

Коля сходил в заставу, принес на тряпочке мази и намазал Ю-Лину ссадины от побоев и ранки.

И Ю-Лин оделся в Бобкину одежду.

В это время запрягли лошадей в тележку, и Бобкин папа вышел на крыльцо.

— Ну, Ю-Лин, — сказал Бобкин папа, — садись в тележку. Повезем тебя в детский дом. Объясните ему, товарищ Туруханов, по-китайски. Скажите, что в детском доме ему будет очень хорошо. Никто его обижать не будет. Будет учиться, играть будет в разные игры, кушать будет вкусно.

Туруханов объяснил все Ю-Лину, но тот вдруг заплакал.

— Не хочу в детский дом, — заговорил он по-китайски, — я тут хочу остаться. Мне тут очень нравится. Я тут пограничником буду. Я хочу быть красным пограничником. Не прогоняйте меня! Я хочу с этим мальчиком дружить, который мне одежду подарил. Я хочу дружить с поваром. Я хочу дружить с начальником. Пожалуйста, не прогоняйте меня...

Тут все наперебой стали объяснять мальчику, что ему в детском доме будет еще лучше, чем здесь. И он послушался только тогда, когда Туруханов сказал ему, что в детском доме есть даже педальные автомобили.

На прощанье Бобка подарил Ю-Лину свой деревянный наган и две деревянные бомбы. Котлетыч вынес из кухни чашку с медом, Коля подарил записную книжку, Туруханов красный

карандаш, а Бобкин папа чистую новую тетрадку, в которой можно было рисовать что угодно.

Ю-Лин сел в тележку, рядом с ним сел боец-пограничник, и лошади тронулись.

— До свиданья, Ю-Лин! — крикнул Бобка.

Ю-Лин ответил по-китайски, помахал рукой и улыбнулся.

КУЛАК АБРОСИМОВ

Как-то раз Бобка играл во дворе заставы. Вдруг во двор вбегает мальчик. Без шапки и без пояса, и все лицо у него мокрое от пота. Остановился против Бобки и говорит:

— Где здесь пограничный начальник? Мне самого пограничного начальника нужно.

— Пойдем, — сказал Бобка, — начальник заставы как раз мой папа.

— Папа или дедушка мне все едино, — сказал мальчик, — поживей только.

— А ты не командуй, — сказал Бобка.

— Вот как дам, — плачущим голосом сказал мальчик, — говорю, мне скорей нужно.

Бобка отвел мальчика к своему папе, старшему лейтенанту Иванову.

— Я сам подпасок, — говорил мальчик, — из колхоза «Первое мая», я там коров пасу

и коней. У меня начальник есть, пастух Егор Матвеевич. Не слышали?

— Как же, слышал, — сказал Бобкин папа, — Егор Матвеевич хороший человек...

— Ну вот, — продолжал Веня, — я, значит, зашел в шалаш покушать, вдруг вижу — там очень толстый человек воду из ковшика пьет. Я ничего такого не подумал, сразу начал кушать. А толстый тоже ничего, сидит и громко дышит. Бежал, что ли. Или больной. Я кушаю, а Егор Матвеевич мне шепчет: «Бежи, Веня, на заставу, скажи начальнику — Абросимов тут. Наверно, скажи, удрать хочет за границу».

— Это рыжий Абросимов? — спросил Бобкин папа.

— Он самый, — сказал Веня, — поджигатель, который прошлый год хлеб нам поджег. Тогда его ловили, ловили, не поймали, теперь он за границу убегает. Вон какой человек.

— Ладно, — сказал Бобкин папа и вскочил на своего коня.

Несколько бойцов тоже вскочили на коней и Вене дали серого в яблоках жеребца.

— Марш-марш! — скомандовал лейтенант Иванов.

Пограничники помчались по полю.

Они вернулись очень скоро и привезли с собой Абросимова. Он был очень толстый,

с золотыми зубами и с маленькими сердитыми глазами. Борода у него была рыжая.

Старший лейтенант Иванов заперся с врагом Абросимовым у себя в кабинете и что-то у него спрашивал, а Бобка сидел с Веней на крыльце, и Веня ему рассказывал про Абросимова.

— Да ты погоди, — сказал Бобка, — все — Абросимов да Абросимов, а кто такой этот Абросимов?

— Он кулак бывший, — сказал Веня, — он, знаешь, какой раньше богатый был? Вся земля была его. А потом, когда землю у него отобрали, он и рассердился. Как волк стал. Хлеб нам поджег в колхозе. Вредный человек.

В это время из кабинета вышел Бобкин папа и сказал:

— Веня, я прошу тебя прийти ко мне завтра сюда со своей матерью ровно в шесть часов вечера.

— Приду, — сказал Веня.

РУЖЬЕ И ПОЖАР

На другой день, ровно в шесть часов вечера, много бойцов-пограничников и колхозников из соседнего колхоза «Первое мая» собрались на заставе. Во двор бойцы вынесли скамейки и поставили стол, покрытый красной скатертью,

и Бобкин папа, старший лейтенант Иванов, сказал речь и от имени бойцов-пограничников поблагодарил подпаса Веню и пастуха Егора Матвеевича.

— Да здравствуют наши верные часовые, — сказал Бобкин папа, пожал Вене руку и передал ему настоящее маленькое охотничье ружье.

Что делалось с Веней!

Он сначала побледнел.

Потом покраснел.

Потом опять побледнел.

А Бобкин папа протянул Вене еще коробку патронов и книжку про охоту.

— Ура! — крикнул Бобка.

Все засмеялись и захлопали в ладоши. А Котлетыч сыграл на баяне туш.

Потом лейтенант Иванов подарил пастуху Егору Матвеевичу очень хорошие сапоги, шапку и рукавицы, все опять захлопали, и Котлетыч опять сыграл на баяне.

А когда совсем стемнело, стали показывать кинокартину.

Бобка сидел и смотрел кинокартину, как вдруг какая-то женщина крикнула:

— Товарищи! В колхозе пожар.

Все повскакали со своих мест, и Бобка увидел огонь. Горело еще не очень сильно, но было понятно, что это самый настоящий пожар.

Кино показывать перестали.

Бойцы-пограничники, под командой Бобкиного папы, вскочили на коней и помчались туда, где горело. И Бобка с Веней тоже побежали туда.

— Бобка, — вдруг сказал Веня, — это мой дом горит.

— Честное пионерское? — спросил Бобка.

— Честное пионерское, — сказал Веня и заплакал.

Они побежали еще быстрее, а когда прибегали, то увидели большую толпу народа. Толпа обступила человека, которого охраняли два бойца пограничника.

Человек этот курил папиросу и ни на кого не глядел.

— Это что за дядька? — спросил Бобка у Котлетыча.

— Это брат того кулака Абросимова, — сказал Котлетыч. — Веня поймал его брата врага, а теперь этот отомстил Вене. Поджег ему дом. Негодяй человек.

Колхозники и пограничники изо всех сил тушили пожар, но был ветер, и пламя так и хлестало. Огонь заливали водой из бочек, топорами и крючьями растаскивали горящие бревна, женщины стояли длинной вереницей и одна другой передавали ведра с водой из ко-

лодца. Та женщина, которая была возле колодца, вытаскивала ведром воду, а та, которая была возле горящего дома, выливала воду в пожарную бочку. Вместе с другими Бобкин папа, старший лейтенант Иванов, несколько раз слезил внутрь горящего дома — спасал вещи: матрац, одеяла, стулья, самовар, даже стол вытаскивал. Гимнастерка на нем тлела, его обливали водой, и он опять лез в огонь и каждый раз,

когда он появлялся из пламени и дыма, народ кричал:

— Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра!

И Бобка тоже вместе со всеми кричал ура, тоже таскал воду и утешал грустного Веню и его маму.

Пожар потушили только тогда, когда половина дома уже сгорела. Бобкин папа, лейтенант Иванов, подошел к Вене и к его маме и сказал им:

— Вы не унывайте. Скоро у вас будет новый дом еще лучше прежнего. Будьте спокойны.

Бобкин папа сел на коня, посадил перед собой в седло Бобку и быстро поехал на заставу. А за ним поехали другие бойцы-пограничники.

НОВЫЙ ДОМ

Бобкин папа, старший лейтенант Иванов, когда-то давно был столяром. Поэтому он так хорошо умел делать из дерева наганы, пулеметы, сабли и разное другое. И поэтому он командовал постройкой Вениного дома. И не только командовал, но и сам работал — то пилой, то рубанком, то топором, то молотком. И Бобке было очень приятно слушать, как колхозники и бойцы-пограничники хвалили Бобкиного папу и удивлялись как он работает.

Очень много народу работало на постройке. Каждый боец-пограничник, который был свободен, приходил и помогал, каждый колхозник помогал. Даже ребяташки и те помогали. И, конечно, Бобка тоже помогал.

Пограничники построили дом. Коля Чистович поставил радио, а Котлетыч сложил чудную плиту. Бобкин папа починил стол, а один боец-пограничник выкрасил оконные рамы и двери.

И полы покрасили, и стены оклеили новыми

обоями, и даже картину повесили на стенку. Получился отличный дом.

И когда Веня со своей мамой переселялся в новый дом, Котлетыч играл на баяне, а потом Бобкин папа сказал:

— Не запугают враги наших верных часовых. Правильно, Веня?

— Правильно! — крикнул Веня. — Где бы я ни был, я всегда буду в оба глядеть и не упущу ни одного врага.

Потом в новом доме у Вени колхозники устроили для пограничников очень вкусное угощение.

Бойцы-пограничники ели жареное мясо с картошкой и сладкие блинчики с вареньем, пили чай, а после ужина танцевали Бобка тоже ел, но не танцевал, потому что совсем не умел танцевать.

БОЙ

Так Бобка жил и жил, купался в речке, ездил поить коней, разговаривал с бойцами, играл в разные игры, и наконец пришло ему время уезжать домой в Ленинград. В тот день, когда он собрался ехать, рано утром вдруг внизу, далеко у речки, раздался один выстрел, потом другой, потом затарахтел пулемет.

— Японцы, — сказал Бобкин папа, отставил от себя стакан с чаем и встал.

— Война, пап? — спросил Бобка.

— Вроде войны, — сказал лейтенант Иванов и быстро надел на себя револьвер.

Он поцеловал Бобку, вышел и сел на своего рыжего коня.

Пограничники быстро и ловко садились в седла.

— Дайте им там как следует, — крикнул Бобка в окно, — чего они в самом деле лезут!

Пограничники засмеялись, папа скомандовал марш-марш, и отряд скрылся. А Бобке вдруг сделалось скучно и страшно.

Было слышно, как палят на речке, потом

разорвалась граната, потом опять затарахтел пулемет. Бобка послушал, послушал, потом вышел из комнаты и отправился бродить по заставе. Бойцов на заставе не было совсем, только один дежурный звонил по телефону.

На речке попрежнему строчил пулемет.

Бобка поглядел на дежурного и отправился в кухню. Там сердитый Котлетыч варил обед.

— Здравствуйте, Котлетыч, — сказал Бобка, — скоро война кончится?

— Вот что, Бобка, — сказал Котлетыч, — я тебя умоляю. Слышишь, умоляю. Посмотри за обедом, а я побегу на минуточку повоюю. Как я могу тут обед варить, если мои товарищи там сражаются. Ладно?

— Ладно, — сказал Бобка, — чего уж там, погляжу.

Котлетыч быстро объяснил Бобке, как бросить в суп картошку и как мешать кашу, чтобы не подгорела, и когда всыпать муку в соус, снял с себя колпак и халат, надел фуражку и убежал. А Бобка остался один на кухне.

Выстрелы грохотали очень близко и очень громко, и Бобка, чтобы не было так страшно и шумно, заткнул себе уши бумажками и стал петь песню:

И от тайги до Британских морей
Красная армия всех сильнее...

Потом он подумал, что японцы могут устроить газовую атаку, сбегал к себе в комнату и надел противогаз — на всякий случай. В противогазе было не так страшно. Бобка принес дров для плиты, помешал кочергой угли и занялся обедом. До плиты он не доставал, и ему пришлось подставить себе табуретку. Кашу мешать было так трудно, что он даже вспотел.

Потом ему пришло в голову, что японцы могут ворваться к нему сюда, на кухню, тогда Бобка крепко запер дверь, закрыл окно и приготовил себе несколько полен, которыми можно будет швыряться.

Но чем дальше, тем страшнее становилось Бобке одному. Он вдруг подумал, что папу убили японцы, сорвал с себя противогаз и прислушался: попрежнему грохотали выстрелы. В кухонную дверь кто-то неожиданно застучал. «Японцы», подумал Бобка и тихонько заплакал от страха.

Опять кто-то застучал — еще сильнее.

— Мама, — шопотом позвал Бобка, — мама, мамочка, мам!

Но мама была далеко, а в дверь кто-то уже просто-напросто ломился. Бобка сжал в руке полено и решил его швырнуть прямо в голову тому японцу, который войдет первым.

Та-та-та-та-та — трещал пулемет у реки.

Бам-бам, ба-бам — лопались гранаты.

— Бобка, отопри! — крикнул из-за двери знакомый голос. — Это я, Знобейко.

— Котлетыч! — взвизгнул Бобка и помчался открывать.

Когда он вышел на крыльцо кухни, двор заставы был полон бойцами-пограничниками, и выстрелы совсем стихли. Старший лейтенант Иванов хриплым голосом отдавал какие-то приказания. А посередине двора, в кольце часовых, стояло несколько пленных, и среди них Бобка узнал того самого японского офицера, который когда-то стегал хлыстом маленького китайского мальчика — Ю-Лина. Офицер теперь не улыбался и не покручивал усики, похожие на крысиные хвосты, а стоял грустный и унылый.

— Как дела, папа? — спросил Бобка у лейтенанта Иванова. — Прогнали японцев?

— Все в порядочке, — ответил лейтенант Иванов, слезая с коня, — японцы так побежали, что до сих пор не могут остановиться. Знаешь, как товарищ Сталин сказал? — «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

— Ура! — крикнул Бобка. — А я тут обед сварил для всех бойцов.

Потом все бойцы обедали и очень хвалили Бобкины кушанья, а Бобка ходил по столовой гордый и счастливый.

После обеда пришло время прощаться.

Бойцы-пограничники вышли во двор, и Бобка начал со всеми прощаться и так расстроился, что у него на глазах выступили слезы. Особенно жалко было расставаться с Котлетичем, так жалко, что пришлось даже поцеловаться.

А когда Бобка и лейтенант Иванов сели в тележку, Котлетич сыграл на баяне марш, и бойцы хором закричали:

— При-ез-жай к нам, до-ро-гой наш Бо-бка И-ва-нов! Ура!

Под крики ура тележка тронулась с места, и Бобка Иванов уехал с заставы.

— Ну вот,—сказал папа,—пожил ты у меня, повидал, как мы живем и как мы работаем. Приедешь, поцелуй маму.

— Да уж обязательно,—сказал Бобка.

На вокзале Бобка расцеловался с папой, и папа посадил его в тамбур вагона. В вагоне стоял старый Бобкин знакомый седоусый морской пограничник Петр Петрович Чистович.

— Опять мы вместе,—сказал Бобка.

— Опять,—сказал моряк и улыбнулся.—

А я опять в командировку еду в Ленинград,

и опять твой папа попросил, чтобы я взял тебя с собой. Вот я и взял.

— Ура! — сказал Бобка. — Только теперь уже не вы мне будете рассказывать истории, а я вам.

— Ладно, — сказал моряк.

Они сидели в вагоне и разговаривали, поезд мчался все вперед и вперед, и паровоз иногда гудел громким басом.

А в Ленинграде на вокзале Бобку встречала его мама Надежда Михайловна, и как она обрадовалась, увидев своего сына, — невозможно рассказать.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Посылки	3
Попутчики	6
Отъезд	9
Моряк и пограничник	10
Очень худенькая корова	13
Горячий чаек	19
Горка из снега, волк и часовой	24
Приехали	28
Застава	30
Знаменитый Непоседа	33
Повар	38
История про пушечного мастера	39
Герой Чернышев	44
Китайский мальчик	47
Кулак Абросимов	55
Ружье и пожар	57
Новый дом	61
Бой	63

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Детская литература“
БИБЛИОТЕКА

**Для старшего дошкольного
возраста**

Редактор Н. Дилакторская. Редактор-художник Н. Подозов. Технический редактор Н. Родченко. Корректор М. Лобанова. Книга сдана в набор 16/IV 1938 г. Подписана к печати 4/IX-1938 г. Инд. Д-5. Лендетиздат № 22. Тираж 50.000 экз. Ленибгортит № 2961. Заказ № 191. Формат бум. 70×92 $\frac{1}{16}$. Печ. л. 4 $\frac{1}{2}$. У. а. л. 4,75. А. л. 1,76 (39424 тип. зн. в 1 бум. л.). Бум. л. 2 $\frac{1}{4}$. Отпечатано с готовых матриц в Картотипографии Г. У. РККФ, Ленинград, зд. Гл. Адмиралтейства.

Цена 1 р. 50 к. Переплет 50 к.

Опечатки

	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
Стр. 37, строка 10 и 11 снизу —	— Один наруши- тель как-то	— Один наруши- тель как-то
Стр. 63, строка 16 сверху	танцевали Бобка	танцевали. Бобка
Стр. 54, строка 7 сверху	в части тиража никт	никто

Ю. Герман. — Часовые.

~~2p~~

60 =

